

- Хабунова Е. Э. Свадебная обрядовая поэзия калмыков // Калмыцкая народная поэзия. Элиста, 1984. С. 98–132.
- Ханинова Р. М. Давид Кугультинов и Михаил Хонинов: диалог поэтов. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 185 с.
- Ханинова Р. М., Ханинова Э. М. Традиционный мотив еды в поэме Михаила Хонинова «Чигян — пища мира» // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития. Мат-лы Междунар. науч. конф. (Москва, 28–30 нояб. 2005 г.). М.: ИМЛИ РАН, 2008а. С. 220–230.
- Ханинова Р. М., Ханинова Э. М. Этнопедагогическое и этнокультурное наследие в творчестве Михаила Хонинова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008б. 220 с.
- Чиров Д. Т. Грани любви: творческий портрет Михаила Хонинова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. 176 с.

УДК 82-1/9

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОЙ ПАМЯТИ В ПОВЕСТИ

О. Л. МАНДЖИЕВА «ДОРОГА В ОДИН ДУН»

Д. Ю. Зумаева

Русскоязычное творчество Олега Манджиева вошло в калмыцкую литературу в 70–80-х гг. XX в. Творчество писателя — это, по сути, «продукт» депортации, вернее одно из ее последствий. О. Л. Манджиев, как и другие калмыцкие русскоязычные авторы (Д. И. Насунов, Р. М. Ханинова, Ц. М. Адучиев и др.), принадлежит к поколению, рожденному в Сибири. Как известно, репрессивная политика спецрежима деформировала духовность многих народов. Приспособление к новым экстремальным обстоятельствам привело к тому, что функционирование родного языка, сохранение многовековых народных традиций и обычаев в результате намеренно проведенного дисперсного расселения народа осуществлялись во многих районах проживания калмыков только на семейном уровне. Естественно, на национальное самосознание калмыцкого народа было оказано большое негативное воздействие.

В творчестве писателя О. Л. Манджиева отражаются основные черты национально-мировоззрения. Выросший в Сибири, но воспитанный в семье на культурных традициях и обычаях родного народа, в своих произведениях он обращается к истокам народной мудрости, к духовному наследию и культуре этноса. Все это стало в его произведениях не просто «фоном художественной рефлексии», а «генератором становящегося смысла»: «за деревьями не потерялся лес, за скрупулезно и любовно выписанной

этносферой — полнота художественного смысла» [Султанов 2007: 16].

Повести и рассказы О. Л. Манджиева вызывают интерес и в аспекте исследования выражения этнической идентичности в калмыцкой литературе. В этом он схож с калмыцким русскоязычным поэтом Д. И. Насуновым [Зумаева 2008]. Своеобразие творчества О. Л. Манджиева заключается не только в тесной взаимосвязи с культурой своего народа, но и в плодотворном использовании эстетики фольклора как органической части его произведений. Писатель не ограничивается внешними атрибутами, введением в художественный контекст чисто национальных наименований, пояснений, образных выражений, именуемых К. К. Султановым «опознавательными знаками этнической инженерии» [Султанов 2007: 15]. Национальная идентичность творчества писателя выражается, прежде всего, в преломлении самого материала, в стилистических особенностях повествования, во взгляде на окружающий мир, в стремлении передать аксиологический ориентир своего народа. Все повести и рассказы О. Л. Манджиева пронизаны калмыцким духом, а в каждом высказанном слове ощущается глубокая внутренняя работа души писателя («Дорога в один дун», «Скачки», «Амуланга» и др.).

Содержательную часть повестей и рассказов Олега Манджиева определяет чувство беспокойности и тревоги за будущее подрастающего поколения, за выработку в

нем чувства принадлежности, сопричастности к судьбе своего этноса, переживание за сохранение культуры народа, духовно-нравственных основ, этического и эстетического опыта предков. Все эти проблемы, поставленные в его произведениях, значимы для художника. Они словно пульсирующая боль в его душе, поэтому их решение является значимым приоритетом в его творчестве.

В данной статье на основе анализа произведения «Дорога в один дун» мы попытаемся выяснить, как через национальный компонент, выражающийся в духовной памяти и философии предков, писатель освещает общечеловеческие нравственно-этические проблемы и ценности.

Произведение О. Л. Манджиева «Дорога в один дун» актуальна остротой поставленных нравственных вопросов и откровенной сюжетной обнаженностью человеческой души. Форма жанра повести диктует ограниченное количество действующих лиц. Центральными героями являются городские ребята Наран и Бадма, старый чабан Мерген, его внуки Амуланга и Джамуха.

Главная тема произведения — нравственное становление молодых людей в лице Нарана и Бадмы. Угрюмая обида, едкая горечь, «ноющая пустота внутри», обремененность на весь мир, — вот какие качества характеризуют их души. Перестройка их мыслей, сознания, ценностных ориентаций начинается после пребывания на сакмане, а именно: после знакомства со стариком Мергеном и его внуками Амулангой и Джамухой.

Действие всего произведения движет мысль автора об утрате духовности и народных представлений об окружающем мире, когда люди теряют истоки, а понятия «предки», «традиции» становятся второстепенными в жизни человека и не столь заботят их, потому что память уже «не работает», как бы «стирая все это за ненадобностью» [Манджиев 1988: 20]. Писатель указывает на «беспамятство» современных молодых людей, дремучих нравственных невеж. Души их слепы. И, возможно, Наран и Бадма превратились бы в примитивных и безответственных потребителей благ цивилизации, если бы в их жизни не появились новые ценности, порожденные событиями,

которые случились на сакмане. Здесь они как бы проникают в мир своих предков, постигают сложность традиционного образа жизни степняка-кочевника, соприкасаясь, тем самым, с той самой загадочной «бесконечностью, которую человек не в силах охватить разумом» [Манджиев 1988: 19], «со всеми видимыми и неподвластными глазу формами жизни» [Манджиев 1988: 23].

В повести О. Л. Манджиева сохраняется самобытный колорит, структура национального мышления и мировидения. В ней очевидно широкое влияние фольклорных традиций, использованных автором для углубления нравственно-философской проблематики произведения, отражения связи времен, единства эпох, актуальности прошлого для настоящего. Национальное в повести проявляется через изображение героев, их мировосприятия, жизненных и ценностных ориентаций, описание поведения степняков, их манеры говорить, проявлять свои чувства, а также в национальных приметах, вплетенных в художественную ткань повествования. Изображенные в повести жители сельской местности свято чтят народные традиции, придерживаются старинных народных обычаев и воспринимают окружающий мир, следуя заветам предков. В их мыслях и поступках сквозит тот далекий мир, который сегодня, к сожалению, постепенно уходит из нашей жизни.

В повести большое место уделено проблеме взаимоотношений природы и человека. Миросозерцание народа находит в произведении свое художественное выражение через утверждение мысли, что человек рассматривается как часть природы. Автор понимает единство человека и природы как идею единства мирового начала. Приметы и наблюдения в повести, связанные с этой темой, раскрывают традиционные представления калмыцкого народа, его «самочувствие», миропонимание, мироощущение.

Сюжет произведения в значительной мере строится на оппозиции «свой-чужой». Пространство, в котором живут герои, мифологизировано. Жизнь человека, вещи, которые его окружают, животные, идущие с ним «по тропе жизни», — все живет реальной земной жизнью, но как бы в другом измерении. Природа, человек, Вселенная находятся в единстве существования, гар-

моничном и идеальном. Это пространство определяется как «свое». Однако привычная умиротворенная картина «единения человека и окружающего мира» сменяется иной, в которой начинают хозяйничать «чужие» (Бадма, Наран), вносящие дисгармонию и в жизнь степняков, и природу. Сюжет романа построен так, что с появлением городских ребят и с убийства волчонка Нараном и Амулангой в семье чабана и начинается цепь страданий и потерь. Люди на сакмане живут в ожидании чего-то еще более страшного. Безграничное горе матери-волчицы, потерявшей своего детеныша, меняет ее отношение к человеку. В ее изболевшейся, израненной душе поселяется чувство мести: чабан предал ее. «Кровавым возмездием» она решает восстановить справедливость.

Параллельно с темой «природа и человек» О. Л. Манджиев ставит вопрос о нравственном облике современника. Автор предупреждает человечество о том, что жестокость и неразумное отношение к природе ко всему живому рано или поздно обернутся бедой для людей. Убивая животных, они, прежде всего, убивают самих себя и своих детей, ведь человек является частицей природы. И в этом заключается вечный и мудрый закон природы: не причинять зла друг другу, жить в гармонии.

И хотя старый Мерген, воспринимающий мир человека, животных, растений как единый организм, помнил эту древнюю истину, заповедь, отшлифованную многими поколениями, и всецело осознавал, что не будет ему прощения, — ему ничего не оставалось, как убить волчицу. Начавшаяся не на жизнь, а на смерть «война» приводит в итоге к нарушению нравственной заповеди предков, принятой когда-то Мергеном, — «не делать зла ни траве, ни зверю, ни человеку» [Манджиев 1988: 130].

В этом контексте большую художественную нагрузку несет в повести тема неотвратимости возмездия, она психологически верно выстроена. В том, что Наран и Амуланга убили волчонка, старому чабану виделась беспощадная неизбежность. Тридцатью годами ранее этого события Мерген расстрелял прирученных волков и с того момента не брал оружия в руки. Но то зло, которое он «вышвырнул» из стволов, не сгнуло в огромном мире, а, сделав долгий путь, вернулось, но уже не к нему, а

к его абсолютно ни в чем не повинным внукам: «...все стянулось в крепкий двойной калмыцкий узел — не развязать, не распутать» [Манджиев 1988: 97]. «...Созревшие плоды деяний и сочившееся по капле зло слились уже в единый поток» [Манджиев 1988: 188].

История с волком, как следствие, повторилась в следующем поколении. Неслучайно калмыцкая народная мудрость гласит, что «вода с косогора сбегает к ложбине, а содеянное дело возвращается к хозяину» (*Кецин усн хууһан темцнэ, кесн керг эзэн темцнэ*) [Тодаева 2007: 102]. И тут, «чтобы не обольщался человек своей миссией на земле» [Манджиев 1988: 96], жизнь предъявляет ему строгий и страшный расчет, и «всех твоих добрых дел не хватает оплатить вексель» [Манджиев 1988: 96], — предупреждает писатель. Поэтому заветный земной закон предков гласит: «поступай по совести», «не делай зла ни траве, ни зверю, ни человеку» [Манджиев 1988: 130], ибо оно «сочится по капле, но когда зло накапливается и сливается в единый поток, оно рождает огонь, пожирающий все живое» [Манджиев 1988: 188]. Оно обязательно «ударяет» по тому, кто его совершил. Вот только происходит это не автоматически, не через заданное время и не обязательно в той же форме, что и исходное зло.

Вспомним одну из бесед, в которой Олег Манджиев рассказывает о народной мудрости. «Считается, что проклятие носится в воздухе семь лет и передается потомкам человека до седьмого колена. Вот почему с древних времен калмыки учили своих детей уважению ко всякому проявлению жизни, будь оно в камне или дереве, ветре или огне» [Манджиев 2000: 35]. Даже зло, рожденное в мыслях, не исчезает бесследно, — считали предки. И это не просто выдумки. В настоящее время люди не задумываются об этом, считает О. Л. Манджиев.

Замысел всей повести «Дорога в один дун» сводится в целом к раскрытию народной мудрости, традиций и представлений, выработанных в условиях гармоничного сосуществования с природой. Мысль писателя о содеянном зле тонко связывается с каноническим положением буддийской философии, базирующимся на причинно-следственной связи. Жизнь всегда неотвратимо

наказывает виновных, и, если не в этой жизни, то в другой, поскольку в мироздании все очень тонко взаимосвязано. И по принципу круга (в буддизме круговорота сансары) трагедия может постигнуть всех и каждого, ибо «все, что с нами происходит, — это результат кармы» [Геше Чжампа Тинглей: 78]. Но мало кто об этом задумывается.

Так случилось и в семье старого чабана. Спустя некоторое время у него заболевает младший внук, маленький, абсолютно ни в чем неповинный Джамуха. К зиме Амуланга сшила ему шапку из шкуры убитой волчицы, которая оказалась бешеной. Писатель вводит в повествование необычный оборот: болезнь, якобы передавшаяся мальчику через шапку, не оставившая никаких надежд на выздоровление. Болезнь братишки составила совсем еще юную восемнадцатилетнюю Амулангу, она вся поседела.

Горе, постигшее семью старого чабана, несчастье ни в чем не повинных людей — вот цена, которую герои заплатили за познание истины и вроде бы простых, достижимых законов нравственно-этической заповеди предков. Писатель, ставя в повести вопрос о нравственном облике современника, напоминает всем нам о том, что существование человека сегодня невозможно без духовных ориентиров на наших предков. Несоблюдение и незнание древних истин может привести к непоправимой трагедии.

В контексте произведения основные негативные события (гибель волчонка, смерть волчицы, болезнь Джамухи) предстают в качестве показателя универсальности связей Времени, Человека, Природы. Все это своеобразная философия эпохи, в которой самоуверенная, техногенная цивилизация противостоит жизни и заповедям, завещанным предками. По мысли О. Л. Манджиева, в современном мире высшая мораль, по которой надо жить человеку, кажется уже непонятной и недоступной, давно забытой и изъятной из обращения. Возможно, некоторые из законов еще действуют, но от них в большинстве случаев сейчас отмахиваются. Знания, этический опыт предков уже не востребованы. Однако автор убеждает своего читателя в том, что иногда нам стоит все-таки «остановиться, замереть, вслушаться» [Манджиев 1988: 134]. И тогда человек словно окунется в другой поток времени, в

его умонастроении произойдут изменения, раскроется новый ракурс видения мира. У него появится новое знание и чувствование, откроется доселе почти еще неизвестная жизнь, восходящая к великой мощи законов предков. Это, по мнению писателя, и есть момент истины.

Таким образом, автора больше всего волнует проявление в человеке его благородных качеств через нравственную память. Для Олега Манджиева это тема духовного поиска, обретения себя в сложном пространстве человеческого мира, поиска истоков человеческого бытия. Писатель утверждает, что только личность, впитавшая в себя опыт предков, национальное прошлое народа, способна, сверяясь со своей совестью, на «скачок в сознании», «революцию духа», «может постигнуть себя и все, что вокруг него...» [Манджиев 1988: 77]. Обращаясь к причинам развернувшейся в повести трагедии, писатель совершенно точно ставит диагноз — *беспамятство*. Об этом он говорит на примере героев Нарана и Бадмы.

В этот контекст О. Л. Манджиевым органично вписывается старая легенда об огненных птицах, удачно введенная автором для того, чтобы вновь дать импульс вечным общечеловеческим проблемам, указать на *беспамятство* современных молодых людей. Легенда, всплывшая в памяти Нарана в острый момент духовного перерождения, гласит, что без памяти человек превращается в зверя. Зависть, злоба и хула, поселившиеся внутри, изъедают и забивают грязью печень, сердце и душу; в итоге человек попросту перестает видеть, слышать, воспринимать. «Злоба вылетала из сердца, хула из рта, зависть из глаз... И человек забыл свое предназначенье... и стал он превращаться в зверя... Равнодушно смотрел пустыми глазами в небо и не видел, и не слышал ничего» [Манджиев 1988: 134–135].

Автор считает, если мы не хотим поминуть о своем прошлом, то, значит, не стремимся к будущему, предпочитая жить в своем закрытом, замкнутом круге, в суе повседневности, обсекая эту «вечную цепь, связующую живущего с его предками» [Манджиев 1988: 77], что приводит к потере человеком своего «я».

Писатель выходит за пределы своей этносферы, и его философски значимая мысль

«окунается» в бурный поток общечеловеческих проблем. Манджиевская концепция человека особенно актуальна в современном обществе, в наше смутное время, в усиленно глобализирующемся мире [Намруева 2008: 43–44], когда основными проблемами становятся дегуманизация, нравственное оскудение, обезличивание человека в обществе, — масштабный хаос, в который мы все можем провалиться без шансов на возвращение и тем более на самосохранение. Сегодня, учитывая исторический опыт, эта проблема особенно остра и для калмыцкого народа.

Далай-лама XIV справедливо замечает, что «мало выступать с громкими призывами остановить нравственное вырождение, надо что-то для этого делать» [Далай-лама XIV: 82]. В обращении писателя Олега Манджиева к проблеме нравственной памяти как основе человеческого бытия и связи поколений, к развитию в личности таких качеств, как нравственности, мудрости, порядочности, присущих лучшим представителям всех цивилизаций, видятся явное стремление автора осуществить перемену в человеческом сознании и попытка дать практические уроки морали, указать правильный путь к благоразумию.

Литература

- Геше Чжампа Тинглей.* «Буддийские наставления». Элиста: АПП «Джангар», 1995. 155 с.
- Далай-лама XIV.* Буддизм Тибета / пер. с англ. и тиб. М. Кожевниковой; сост. и отв. ред. А. Терентьев, М.; Рига: Нартанг-Угунс, 1991. 103 с.
- Зумаева Д. Ю.* Образ коня в лирике Д. Насунова (к проблеме национального своеобразия в русскоязычной литературе Калмыкии) // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 2008. Спецвыпуск. С. 84–88.
- Зумаева Д. Ю.* Национальное своеобразие поэзии Д. Насунова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2008. № 3. С. 55–57.
- Зумаева Д. Ю.* Образ Родины в творчестве Д. Насунова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста. 2008. № 4. С. 36–39.
- Ланцынова М. И.* Поиски истины Олега Манджиева // Теегин герл. Элиста. 2000. № 4. С. 27–35.
- Манджиев О. Л.* Дорога в один дун: повесть (на рус. яз.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 206 с.
- Намруева Л. В.* Проблема сохранения языка в контексте глобализации социокультурных трансформаций // О тенденциях взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков в современной России: мат-лы общерос. науч. конф. (19–20 ноября 2007 г.) Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 43–50.
- Полякова А.* Этнопедагогические идеи в повести О. Манджиева. «Дорога в один дун» // Теегин герл. 1996. № 2. С. 116–120.
- Султанов К. К.* От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007. 302 с.
- Тодаева Б. Х.* Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. и пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.